

В. В. ВОРОВСКИЙ

Лишние люди

Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,

Der täglich sie erobern muss.

Faust, II Theil

I

Могучим потоком движется жизнь все "вперед -- и выше", "вперед -- и выше", увлекая за собой все живое и жизнеспособное, заражая бодрым, радостным настроением, суля бесконечные перспективы. "Пусть сильнее грянет буря" -- льется песнь буревестника, и эта песнь наполняет душу не страхом перед стихией, а мужеством и жаждой жизни, сознанием силы, переливающейся "живчиком по жилочкам" и рвущейся к делу. И среди этого могучего хора пробуждающейся весны жалким диссонансом звучат заунывные голоса отмирающего поколения, пережившего свои мечты и желания. Грустной вереницей проходят бесславные потомки некогда славных отцов перед нашими глазами в пьесах А. П. Чехова. Без веры, без воли, без желаний коротают они свой печальный век, -- эти "лишние люди".

Лишние люди!.. Какое нелепое, какое уродливое сочетание понятий. Для людей, провозгласивших человека царем творенья, поставивших его на первое место среди всего сущего, казалось бы, может быть "лишним" все, что угодно, только не сам человек. А между тем, несмотря на торжественные гимны человеку со стороны идеалистов и менее высокопарное, но более глубокое уважение к нему со стороны реалистов, жизнь немилосердно коверкает людей и ставит их нередко в такие условия, где они оказываются совсем лишними.

"Я умираю от стыда при мысли, -- жалуется Иванов, -- что я, здоровый, сильный человек, обратился не то в Гамлета, не то в Манфреда, не то в лишние люди..."

И этот "здоровый, сильный", но лишний человек такими мрачными красками рисует свое душевное состояние:

"С тяжелой головой, с ленивой душой, утомленный, надорванный, надломленный, без веры, без любви, без цели, как тень, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачем живу, чего хочу?"

А за ним мрачными рядами проходят другие, такие же "лишние люди" -- Астровы, дяди Вани, Тузенбахи, злополучные "сестры", несчастные "чайки", владельцы "вишневых садов", и много их, и все они угрюмые, измученные мелкими, но безысходными страданиями, и жалкие этой мелочностью своих страданий. Сквозь дымку идеализации -- или, вернее, поэтической жалости и сострадания, которыми окружил своих героев автор, проглядывает все ничтожество этой серенькой, туманной жизни, грустной и отталкивающей, как дождливый осенний день.

"Те, которые будут жить через сто, двести лет после нас, -- справедливо замечает Астров, -- будут презирать нас за то, что мы прожили наши жизни так глупо и безвкусно". "Мы стали такими же пошляками, как все", -- признается он ниже.

А между тем автор не задавался целью изображать и поэтизировать пошлых, ничтожных людишек. Напротив, он довольно ясно дает понять, что все это были когда-то умные, деятельные люди, своего рода лучшие люди данного общественного круга. Правда, этот общественный круг не был предназначен историей для свершения великих дел, мировых подвигов; правда, задачи этого круга -- узко групповые, редко охватывающие интересы более широких слоев общества, -- не открывали широких горизонтов, не давали места смелым порывам общественного творчества. Неудивительно, что и величина героев этого круга, и размах их деятельности так незначительны.

Русская литература недалекого прошлого, особенно 60-х и 70-х годов, приучила нас к типам, представляющим более крупный общественный интерес. Литературные герои этой эпохи искали подвигов, ставили себе широкие общественные задачи, а потому неудивительно, если размах "дерзаний"